

Призрак новой идеологии

Построение мощного государства, вбирающего в себя все властные институты, воссоздающего корпорации для воспитания своих граждан и поддержания их дисциплины, может быть совместимо с идеей свободы индивида от государства.

Все чаще идеологию путинской России определяют как национал-либерализм. Пока это, в известной мере, журналистский штамп. Но есть основания полагать, что через некоторое время такая характеристика может обрести реальный смысл и стать символом нового синтеза политических доктрин, потребность в котором все сильнее ощущается не только в России, но и на Западе.

Все те же вызовы

История, как известно, всегда повторяется, но никогда буквально. Вот почему исторический процесс часто сравнивается со спиралью. Так мы можем увидеть довольно значительное сходство между социальными и историческими условиями, в которых складывались авторитарные и фашистские режимы прошлого столетия, и теми тенденциями, что намечаются на современном Западе. Великий кризис 20-30-х годов XX века был обусловлен тремя фундаментальными противоречиями: между гражданским обществом и государством; между трудом и капиталом; между стремлением индивида иметь свободу выбора и одновременно с этим иметь цель. В условиях острого экономического и политического кризиса многие парламентские режимы Европы не смогли найти компромисса между политическим плюрализмом и единым для всех политическим порядком, предполагающим известную авторитарность в рамках парламентских структур.

Выход был найден в возвращении к старым абсолютистским теориям государства, где идея наследственной монархии была заменена идеей диктатуры. Школа десизионизма в Германии, Джованни Джентиле в Италии создали развитые концепции неоабсолютизма. Повсюду в Европе утверждались автократические политические системы. И. Л. Солоневич в 1936 году уверенно писал о закате либеральной демократии. Повсеместное утверждение диктатур во многом было обусловлено тем, что европейские демократии не в силах были принудить предпринимателей учитывать общественные интересы и заставить рабочих отказаться от непомерных требований. И то и другое было осуществлено при правых автократических режимах.

Первый прецедент государства всеобщего благоденствия был создан (по мнению российского историка О. Ю. Пленкова) в Третьем рейхе. К утверждению именно диктатуры европейское общество оказалось готово и психологически. Шарль Мунье, посетивший Германию в 1938 году, писал, что новая идеология дала людям новый идеал и снова заставила их поверить в свои силы. Эрнст Юнгер осмыслил проблему популярности фашистской доктрины в то время в различных ее вариациях через противопоставление "свободы-от", тождественной либеральным гражданским и политическим правам, и "свободы-для", тождественной дисциплине и стремлению подчиняться, бегству от свободы. Фашизм, по его мнению, утверждал это новое понимание свободы.

Сегодня мы знаем, что многие концепции 20-30-х годов оказались ошибочными. Жизнь не оправдала их. Диктатура как форма политической самоорганизации чрезвычайно ярко продемонстрировала свою нерациональность. Так, практика Третьего рейха в особенности показала опасность сосредоточения всей полноты власти в руках одного лица. Ницшеанский гуманизм национал-социализма, воспевавший человеческую мощь в ущерб "маленькому человеку", подсознательно оправдывавший концлагеря и тотальную войну, поставил цивилизацию на грань уничтожения. Идея свободы-для, заменившая свободу-от, не оставив индивиду жизненного пространства, свободного от вмешательства государства, очевидно, тоже оказалась тупиковой.

По-видимому, заслуживающими ревизии оказались и средства разрешения социально-экономических противоречий в фашистских государствах - через экономическую автаркию и примат военно-политической сферы над собственно экономической, что влекло замену торговой и экономической конкуренции военным противостоянием. В век ядерного оружия следовать таким образцам было бы самоубийственным. Тем не менее современное западное общество оказалось сегодня во многом в том же состоянии, что и перед

великим кризисом парламентаризма 20-30-х. Пусть и несколько иначе сформулированные, перед развитым миром сегодня - те же самые вызовы, на которые западная цивилизация уже безуспешно попыталась ответить с помощью фашизма.

Не хватает жизненной энергии

Великие потрясения первой половины XX века позволили Западу значительно смягчить противоречия между трудом и капиталом; холодная война побудила европейцев к большей политической консолидации. Но так и не удалось преодолеть духовного кризиса, который может стать фундаментальной предпосылкой для возможных новых потрясений. Именно против духовного упадка по существу были направлены главные аргументы всех правых и праворадикальных мыслителей межвоенной поры (Карла Шмитта, Эрнста Юнгера etc.) и послевоенного периода (например, Арнольда Гелена).

Под духовным кризисом мы подразумеваем стремительную утрату западным обществом витальности, жизненной энергии. Как писал Макс Шелер, жизнь исключительно ради удовольствия является симптомом старения. Без значительного преувеличения можно утверждать, что сегодня в этом смысле упадок западного человека продолжается. Если в Германии Гитлера пошли слишком далеко по пути утверждения так называемой сильной личности, то в современной Европе ударились в противоположную крайность, утверждая последовательный пацифизм и гедонистическое отношение к жизни.

Какую бы область жизни современного Запада мы ни взяли, везде мы найдем их отпечатки. Например, здесь можно усмотреть основную причину упадка семьи: рост числа разводов, падение рождаемости. Современное западное общество достаточно благополучно в материальном отношении, чтобы позволить иметь себе многочисленные семьи. Но индивид, делающий целью жизни наслаждения, объективно стремится, во-первых, к уменьшению ответственности, во-вторых - к облегчению своей жизни в прямом и переносном смысле.

Здесь же кроются корни проблемы иммиграции. Иммигранты занимаются в основном тяжелым трудом; европейцы таким трудом не занимаются: и платят за него мало, и не желают они заниматься тяжелой и опасной для здоровья и жизни работой. В этом же ряду - и тенденция перехода все большего числа развитых европейских стран с общего призыва на контрактную армию. То, что выглядит всего лишь рациональной мерой - сокращением расходов, оказывается еще одним шагом на пути освобождения человека от обязанностей и расширения его прав. Уже сейчас основные обязанности европейского обывателя на практике почти исключительно сводятся к уплате налогов и посещению избирательных участков.

Не вопреки свободам

Лозунг Муссолини "все для государства, ничего против государства и свобода индивида в государстве" в новых исторических условиях обретает и совершенно новое звучание

Очевидно, что сохранение такой тенденции может иметь два вероятных следствия: постепенную исламизацию Европы и превращение ее в Азию либо откат к крайним правым формам организации общества. Показательны в этом контексте успехи правых популистов в Австрии, во Франции, в Швейцарии. Все новое - это хорошо забытое старое, и поэтому через несколько десятилетий на почве экономических, межнациональных и конфессиональных противоречий события 20-30-х - угроза гражданской войны и/или диктатура, масштабные этнические чистки - могут повториться. Но смысл утверждения, что история не повторяется буквально, в том-то и заключается, что произошедшие события дают опыт того, как избежать их в схожих обстоятельствах и как искать альтернативу.

Никто не хочет в современной Европе отказываться от ценностей и благ, отождествляемых с современным конституционным государством, однако вместе с тем растет осознание неудовлетворенности нынешним положением. Многие устоявшиеся представления о либеральной демократии начинают пересматриваться. В частности, все большей критике подвергается нынешняя концепция индивидуализма. Так, политолог Амитай В. Этциони заключает, что необходимо ограничить частное начало в жизни индивида и социума, так как индивидуализм ведет к отчуждению индивидов друг от друга, к фактическому распаду общества и самого индивида. Не менее радикален вывод Ульриха Бека: следует произвести дедогматизацию и десакрализацию принципов современной демократии, сделать ее рефлексивной и более гибкой.

Эти и другие факты, например рост интереса к выкладкам Карла Шмитта, показывают, что назрела необходимость нового синтеза политических идей и доктрин. И в результате этого синтеза могут появиться новая демократия и либерализм, которые вберут в себя все идеи, способные помочь ответить на вызовы современности. В том числе "реакционные" и "запрещенные". Например, ницшеанство в более рациональной

и более гуманной интерпретации - как средство вернуть западному обществу былую витальность, а личности - цельность; неокорпоративизм - как путь преодоления отчужденности между индивидами; новая позитивная философия государства - как способ сохранить политическое единство в условиях острых межконфессиональных и национальных противоречий. И все это не вопреки либеральным гражданским свободам, а в дополнение к ним. Во внутривнутриполитической сфере подобный синтез мог бы привести к объединению идей индивидуализма, свободы в гражданской сфере с новой философией, включающей такие ценности, как патриотизм, самопожертвование, семья. Во внешнеполитической - к политике нового империализма, призванного вытащить провалившиеся страны третьего мира из пропасти голода, гражданских войн, предотвратить распространение здесь и оружия массового поражения, и обычных вооружений.

Подобная политика, например, в рамках реформированной ООН отвечала бы интересам не только самих стран третьего мира, но и в первую очередь интересам безопасности мира развитого. Для того чтобы все эти идеи начали складываться в общую мозаику нового национал-либерализма, нужен толчок. Он может последовать из России.

В чем состоит реванш

В России все вышеперечисленные противоречия проявляются в особенно контрастной форме. Поэтому ответ на них может получить адекватный жесткий характер. По принципу - клин клином вышибать. Необходимость прилагать мощные усилия для восстановления российской государственности и, может, даже для сохранения России как государства заставляет нынешнюю власть на практике отказываться от многих либеральных принципов и стандартов, которым следуют в Европе. Понятия "либерализм" и "демократия" здесь получают новую интерпретацию, не укладывающуюся в представления европейского массового сознания.

Формирующаяся в России либеральная модель фактически основывается на двух принципах: примате государства над обществом (пока в форме суперпрезидентской республики, а впоследствии, возможно, в форме дуалистической конституционной монархии) и свободе индивида в гражданской сфере. Первый принцип отражает ориентацию современной элиты на советскую модель государственности, второй - следование традициям российского либерализма.

Построение мощного государства, вбирающего в себя все властные институты, воссоздающего корпорации для воспитания своих граждан и поддержания среди них дисциплины, оказывается совместимо с либеральной идеей свободы индивида от государства. Лозунг Муссолини "все для государства, ничего против государства и свобода индивида в государстве" в России в новых исторических условиях обретает и совершенно новое звучание. Таким образом, в современной России неосознанно подходят к воплощению того синтеза идей и концепций, о котором шла речь выше.

Необходимость прилагать мощные усилия для восстановления российской государственности и, может, даже сохранения России как государства заставляет нынешнюю власть на практике отказываться от многих либеральных принципов и стандартов, которым следуют в Европе

Особенно большое значение при этом имеет то обстоятельство, что здесь существует мощный запал для пересмотра духовной концепции современного либерализма в его европейской версии. Кризис государственности, развал армии, все еще низкий уровень жизни широких слоев населения, отсутствие до недавнего времени объединяющих духовных скреп и по-прежнему существующая необходимость формулирования новой государственной идеологии создают питательную среду для утверждения в качестве новой национальной идеи - идеи тотального реванша. Именно она способна стать общим идеологическим знаменателем для разнородного российского общества. Понятие реванша, относящееся к пространству борьбы или военного противостояния, перенесенное на другие сферы жизни, не оставляет места для потребительских ценностей, что характерно для современного европейца, или во всяком случае заставляет изменить приоритеты.

Реванш относится к тому же ряду, что и понятия "сила и слабость", "победа и поражение", "превосходство и уничтожение". В данном контексте все, что означает слабость и неспособность побеждать, оценивается, по крайней мере подсознательно, как зло. И напротив, всякое превосходство на каком бы то ни было поприще - как желаемая и достойная цель. Представляется, что нынешняя власть, пусть она до конца этого пока не осознает, движима именно таким пониманием. Когда В. В. Путин заявил в самом начале своего президентства, что новой идеологией является идеология патриотизма, он в действительности имел в виду именно идеологию реванша. Собственно реванш предполагает патриотизм, потому что патриотизм можно определить как неосознанное стремление к превосходству той крупной корпорации (государства, народа), к которой принадлежит человек, над другими подобными корпорациями. Алексис де Токвиль указывал, что

патриотизм проявляется сильнее всего в мощных корпорациях, в тех же корпорациях, где пропадает воля и желание оставаться сильными, патриотизм затухает.

Современное общество оказалось сегодня почти в том же состоянии, что и перед великим кризисом парламентаризма в 20-30-х годах XX века. Пусть и несколько иначе сформулированные, перед развитым миром сегодня стоят те же самые вызовы, на которые западная цивилизация безуспешно попыталась ответить с помощью фашизма

Время реванша, таким образом, можно рассматривать как звездный час патриотизма, когда тот активизируется - подобно разогнутой пружине. Упор на идею реванша способен трансформировать нынешний либерализм, делающий упор на потребительские ценности. И хотя сам Путин пока не идет в своем реваншизме дальше задач достижения того же уровня жизни, что в современной Европе, сам импульс к мобилизации, к активному действию повышает вероятность иного исхода.

Опять России начинать?

Стимул к развитию российский либерализм может получить и из-за океана. Американский (и шире - англосаксонский) либерализм всегда стоял особняком. Здесь, в отличие от Европы, демократия и гражданские свободы оказывались совместимы с имперскими амбициями, авторитарностью и сильным государством, способным эффективно поддерживать внутренний политический порядок и решительно отстаивать интересы сообщества на международной арене. Недостаток витальности в американском либерализме и обществе проявляется несколько меньше, чем в Европе - неслучайно именно здесь консерваторы (республиканцы) пришли к власти. США сегодня объективно являются духовным центром Запада, оказывающим культурное воздействие на остальной развитый мир. Поэтому происходящий тут сейчас сдвиг вправо повлечет за собой цепную реакцию - в частности, дальнейшее эволюционирование вправо российского общественного мнения.

На новую либеральную модель в России способны наложить отпечаток три черты американского национального самосознания. Во-первых, способность совмещать права человека с традиционными консервативными ценностями, которые в Европе и в России отстаивались, как правило, диктаторскими режимами. Во-вторых, примат действия над рефлексией и вытекающая отсюда концепция человека-борца способны усилить мобилизационный потенциал современного российского реваншизма. В-третьих, апелляция американских правых к традиции, предоставляющая здесь карт-бланш отечественным консерваторам, что также может повысить витальность российского либерализма, благодаря изживанию им комплекса неполноценности перед западными ценностями.

Контуры новой доктрины пока едва различимы. Национал-либерализм как новая идеология, пересматривающая положения старых доктрин и создающая в эклектичном сочетании нечто новое, отвечающее потребностям времени и способное стать новым идейным и духовным ориентиром для развитого мира, еще даже не осознал себя таковым. По Европе бродит только призрак новой идеологии. Не исключено, что под влиянием идей из "передовых стран" первым полем для нового социального эксперимента в силу ее особых исторических условий вновь станет Россия.

Автор: Игорь Богацкий © Открытая Россия ОБЩЕСТВО, РОССИЯ 👁 2126 16.12.2004, 16:45 📌 170
URL: <https://babr24.com/?ADE=18357> Bytes: 16613 / 16578 Версия для печати

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Свяжитесь с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](https://t.me/babr24_link_bot)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь
Телеграм: [@bur24_link_bot](https://t.me/bur24_link_bot)
эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова
Телеграм: [@irk24_link_bot](https://t.me/irk24_link_bot)
эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская
Телеграм: [@kras24_link_bot](https://t.me/kras24_link_bot)
эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская
Телеграм: [@nsk24_link_bot](https://t.me/nsk24_link_bot)
эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин
Телеграм: [@tomsk24_link_bot](https://t.me/tomsk24_link_bot)
эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"
Телеграм: [@babrobot_bot](https://t.me/babrobot_bot)
эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)